

В Первой старшей школе Минагисы было установлено правило об общем посещении её первого августа. Прийти к 9-ти утра, получить огромный лист с поручениями от учителя, затем передохнуть тридцать минут. После, в 10 утра, начиналось выступление директора в спортзале. Как только оно закончится, можно вернуться в свой класс, и начинается самое излюбленное учениками занятие: обсуждение культурного фестиваля. Мероприятия от класса, распределение обязанностей, время следующей встречи (если необходимо) – всё это должно решиться в течение дня. От класса к классу время обсуждения может варьироваться: оно может идти до 7-ми вечера – времени, когда школа уже закрывается. Речь директора, что довольно удивительно, заняла менее десяти минут. Вернувшись из душного разогретого зала, наполненного потными телами школьников, в кабинет, когда классу уже не терпелось начать подготовку к фестивалю, я наклонился к месту передо мной и заговорил с Чигусой. «Это надолго, так что давай слиняем». Она пару раз мигнула и усмехнулась. «Через десять минут около ворот», – прошептал я. Чигуса быстро собралась и совершенно непринуждённо выскользнула из класса. Несколько глаз заметили её смелый побег, но она была настолько естественна, что, казалось, все свидетели по-своему оправдали его. Только один человек питал насчёт этого сомнения – Нагахора, сидящий в стороне: «Она плохо себя чувствует? Огиэ никогда рано не уходит». «Может, – грубо ответил я, – а может, обыкновенная диверсия».

«Да не может такого быть! – Нагахора рассмеялся, изогнув бровь. – Кого это слово меньше всего касается, так это Огиэ». «Полагаю, всё так», – согласился я, после чего взял сумку и встал. «Воу, только не говори мне, что ты тоже рано сваливаешь?» «Я плохо себя чувствую». Увильнувшись от его подозрений, я вышел из кабинета. Опасаясь наткнуться на сотрудников школы, я спустился по лестнице в коридор, ведущий к спортзалу, положил сумку в ящик, взял первую обувь в одну руку и вышел из школы, обходным путём миновав учительскую. Хотя Чигуса первая покинула класс, к школьным воротам она подошла позже меня. Увидав, что она заметила меня, я ощутил, что это как-то неправильно... я не знаю, как описать. Не могу сказать, что именно я почувствовал. «Прости, я опоздала», – сказала она, запыхавшись. Мы шли вместе. Из окон слышались смех и болтовня. «Я впервые ухожу из школы посреди дня». «Всё равно ты приходила туда столько раз, что и не счесть. Прогульщики остаются в выигрыше». «Какой же ты плохой, Фукамачи, – вставила Чигуса, найдя это слишком забавным, чтобы хранить в себе. – Итак, куда мы можем направиться?»

«Кто знает. Я до сих пор думаю». «Тогда давай присядем и подумаем об этом вместе».

Мы подошли к автобусной остановке неподалёку. Она была крытая, а значит, была идеальным местом, чтобы немного поразмышлять, скрывшись от солнечных лучей. Автобус приходит только раз в час или два, так что нас не примут за пассажиров, и мы не причиним неудобств водителям. На стенах между железными листами были щели, но постеры и объявления о подержанных машинах и потребительских займах закрывали их, подобно мозаике. Наблюдая за Чигусой, сидящей с вытянутыми ногами, я наконец понял, что упустил из виду ранее. Её юбка была короче, чем обычно. Их предусмотренная длина – как максимум 15 сантиметров выше колена, и большая часть учениц Первой старшей Минагисы соблюдает это правило. А для Чигусы, которая практически никогда не нарушала правил касательно формы, это было неслыханно. До этого я никогда не задумывался об очаровании коленей, а только классифицировал их на толстые и тощие. Но когда я увидел колени Чигусы, мне пришлось переменить ход своих мыслей. Колени точно так же, как нос, рот и глаза, могут определять человека. Разница всего лишь в несколько миллиметров настолько сильно изменила впечатление, обнажив эту её изящную, но выразительную черту. Её колени были прекраснее всех, что я когда-либо видел. Их идеальная плавная кривая напоминала собой аккуратно изготовленную фарфоровую вазу. «Ещё один способ "разочаровать собственных родителей"?» – спросил я, разглядывая их. «Ах, так ты заметил, – Чигуса поставила на себя сумку, отгораживаясь от моего взгляда. – И правда. Я укоротила её. Теперь мне беспокойно».

«Действительно ново видеть тебя такой». «Прости, они отвратительны...» – всё ещё держа сумку, она кивнула несколько раз, подобно клюющей птичке. «Будь увереннее».

Вообще, у тебя хорошие ноги». «Ты думаешь?.. Спасибо большое». Всё ещё кивая, она нервно поблагодарила меня, но сумки с колен не убрала. «На третьем году средней школы я кое-что поняла. Я была человеком посредственным, которого легко заменить, как не столь важную деталь на картине». Ночью, когда на меня напал Ногияма, после ухода Хинохары Чигуса попросила сделать её плохой. Подобное стало для меня неожиданностью, ведь я был убеждён, что буду отвергнут. Её слова отдавались в моём мозгу, пока я затапывал выпавшую из моего разинутого рта сигарету. Сделать плохой? «Прости, может, я не совсем понятно выразилась, – Чигуса отвела глаза и почесала щёку. – Я объясню как надо. Хотя это непросто понять так сразу...» Помаленьку она начала рассказывать. На третьем году средней школы, проходя собеседование, она поразила мыслью, что не может придумать, как описать себя как личность. Она впервые осознала, что прежде жила лишь так, как говорили ей жить родители, не принимая собственных решений, которые были бы достойны называться решениями. «Другими словами, я пустышка, – сказала она, словно читая в книге предложение, которое уже недавно прочла. – Не совершаю ошибок, но и успехов не имею. Я могла заменить многих, однако практически любой мог занять моё место. Пускай я кому-то и могла бы понравиться, но никогда не стала бы фавориткой. Такова Чигуса Огиэ». Она отвела глаза и насмешливо улыбнулась. «Конечно, это применимо ко многим на определённом этапе, однако моя посредственная сущность стояла во главе. Когда мои подруги говорили о пережитом опыте, я чувствовала себя некомфортно, будто надо мной глумятся. Иногда мне казалось, что меня пытаются застыдить. "У тебя нет жизненного опыта ни в чём, ты никак не можешь описать себя – ну что за пустышка"». Она похрипывала, вероятно, вспоминая о той боли. «Вокруг меня было полно людей, которые не имели ничего внутри себя. Средняя школа Митсубы, когда я только поступила в неё, казалась мне сборищем девочек с утомительно скучными жизнями. Кучкой людей, которые доверчиво продвигаются по заранее проложенным рельсам, решая лишь, в какой вагон и на какое место сесть, убеждённые, что принимают жизненно важные решения. Каким-то образом они умудряются считать себя единственными и неповторимыми. Как по мне, всё это выглядит так, будто они условились принудительно описывать друг друга и притворяться людьми с богатым внутренним миром». Переживая, что столь длинная история может наскучить мне, Чигуса поглядывала на выражение моего лица. Я кивал, выражая интерес и ободряя её продолжить рассказ. «От подобных взаимоотношений веяло холодком, и я быстро переменяла свой выбор касательно старшей школы. Я думала, что что-то может измениться, если я пойду туда, куда хочу. Естественно, родители были против, но мне удалось убедить их различными доводами. Я впервые пренебрегла их желанием. Сердце танцевало в груди оттого, что я сделала первый шаг в своей собственной жизни. ...Тем не менее основополагающие её аспекты даже в Первой старшей не изменились. Обычная девочка просто стала обычной девушкой».

На этом моменте Чигуса посмотрела мне в глаза. «Итак, Фукамачи. Я хочу выбраться из плена стандартов. Я не верю, что чем-то превосхожу остальных, поэтому хочу как минимум заставлять других людей хмуриться, учителей – бранить меня, разочаровывать родителей – разрушить заранее установленную гармонию. Я хочу стать настоящей собой, какой бы гадкой она ни была. Ты сможешь мне с этим?» Много в её речи можно было опровергнуть. Хотя бы то, что я не считал Чигусу обыкновенной посредственной личностью и мог бы привести пример того, в чём она лучше других. Что важнее, в мире существует разве что горстка по-настоящему особенных людей, и она совершает ошибку, ожидая помощи от ещё более закоренелого среднячка вроде меня. Но я проглотил эти слова, как только они пробрались в мою глотку. Чигуса пришла к этому заключению после долгих размышлений. Возражения того, кто знает её меньше месяца, не имеют веса. Если она хочет выбраться из плена стандартов, то это не так плохо. Пусть это и ошибка, вот только ошибка, сделанная в процессе тщательного переосмысления, будет подороже верного заключения. «Понятно, я помогу, – согласился я, – но что конкретно мне нужно делать, чтобы испортить тебя?» После некоторого молчания Чигуса заговорила. «Не возражаю, если всего лишь на день...

Относись завтра ко мне так, будто я одна из твоих друзей и средней школы. Я хочу испытать на себе тот нездоровый образ жизни, который ты некогда вёл с ними». Это будет забавно, подумал я. По правде говоря, мне не хотелось, чтобы Чигуса стала хулиганкой и проводила со мной больше времени, ведь потом сложнее будет расстаться. Но если на день, то ничего. У меня достаточно времени, чтобы после вернуть всё в исходное положение. Если ей будет от этого лучше, то почему нет? Может быть, она это имела в виду, когда попросила при нашей первой встрече пожелать свободу для неё. «Ты задумался о чем-то?» – спросила Чигуса, сдвигая сумку с колен в сторону. Я потряс головой: «Сложно просто так взять и придумать какое-нибудь хулиганство». «Тогда давай установим парочку ограничений, – сказала она, подняв указательный палец. – Ты когда-нибудь сбежал без разрешения со своими друзьями, когда учился в средней школе?» «Кучу раз». «Ты можешь припомнить какие-нибудь дни?» Я порылся в своих мыслях: «Дай подумать... На втором году, летом, я притворился больным на пятом уроке, чтобы слинять пораньше. Мы ушли с уроков в разное время и встретились за пределами школы, как сегодня». «Расскажи мне больше о том дне», – набросилась на это Чигуса. «Мы втихую купили сигарет в автомате, а потом закатили вечеринку в квартире Хинохары. Это тот парень, который перед тобой извинился прошлой ночью, Огиэ. У него дома бар, поэтому у нас было предостаточно выпивки. Тогда мы ещё не понимали, как правильно пить, поэтому просто пили без остановки. Я помню, как парочка из нас опьянела в мгновение ока и потом вместе бросилась к туалету». «Здорово. Звучит весело», – улыбаясь, произнесла она с таким видом, будто на неё снизошла мысль. «Давай поступим так же». «В смысле?» «В смысле устроим пьянку у меня дома». «Ты серьёзно?» «Да. Всё нормально. У меня дома должен быть алкоголь». Чигуса встала и выскочила на солнце, которое светило за пределами остановки. Она повернулась и позвала меня: «Пойдём, Фукамачи». Пока мы шли по изгибающемуся холму, запах стоячей воды становился всё сильнее. Дом Чигусы был упрятан посреди жилого района. Я уже догадывался о том, как он выглядит, когда провожал её вчера. Он выглядел как дом обеспеченной семьи и был построен из камня; вокруг подстриженный газон, дорогая сверкающая машина поблизости, гараж с инструментами, а крыльцо отделано со вкусом. Всё на уровне выше среднего, но можно было ясно увидеть, в чём обитатели сего жилища идут на компромиссы. Такой вот дом. Бесспорно он выглядел гораздо богаче по сравнению с моим.

Чигуса провела меня через заднюю дверь. Дом был построен на склоне и имел выходы и на первом, и на втором этажах. Выход на втором, повернутый к широкой дороге, кажется, использовался в качестве главного, когда же к выходу на этаже – необычно используемому заднему выходу – вела тоненькая тропинка. Он идеально подходил для того, чтобы Чигуса могла проникнуть в дом незамеченной. Не включая свет, мы осторожно прошли по коридору, стараясь не шуметь, и я смотрел только на спину Чигусы. Изменение значения первого и второго этажа не ограничивалось входами: кухня и гостиная находились на втором, а спальни и детская – на первом. Пусть различий было не так много, но я чувствовал некоторое беспокойство, будто бы ехал по дороге с односторонним движением. Только после того, как мы зашли к Чигусе в комнату и она заперла дверь, я смог выдохнуть. Там было удобно и имелся кондиционер. «Присаживайся», – сказала мне Чигуса, и я сел на стул рядом с кофейным столиком. Начиная со стула и столика, я заметил, что вся мебель выполнена в тёмно-коричневой цветовой гамме. Может, это излишне спокойная обстановка для шестнадцатилетней девочки. Или девчачьи комнаты и тогда были такими же, как сейчас?

«Я тайно привела домой мальчика, – произнесла Чигуса. – Будет ужасно, если родители узнают». «Молюсь, чтобы этого не произошло». «Вдобавок, им оказался бывший плохиш Фукамачи». «Просто чтобы я знал, что именно произойдёт, если нас найдут?» «Ничего, правда. Просто будет крайне неловко. Уверена, папа с мамой не будут даже знать, как наказать меня. Подобный поворот событий не обернётся так уж плохо». «Ну, может, слишком уж правильной семье небольшая встряска пойдёт на пользу». «Определённо. Так что нет нужды волноваться, Фукамачи». Чигуса открыла сервант и взяла оттуда две белые чашки, а

затем вынула из нижнего ящика три ультрамариновые бутылки. На этикетках были нарисованы русалки и белыми буквами написано "Русалочки слёзы". Местная выпивка, о которой слышан каждый житель Минагисы. «По некоторым причинам моя семья часто получает алкоголь в подарок, но поскольку его никто не пьёт, он только копится. На кухне есть ещё шесть таких. Если хочешь, пойдём». «Спасибо, но я пас». Мы наполнили друг другу чашки, сели за кофейный столик и тихо произнесли тост. Залпом осушив чашку, Чигуса нахмурилась и произнесла: «Странный привкус», – однако налила ещё. «Глядя на красивую упаковку, я ожидала, что вкус будет чище». «Да, на удивление суховато, – я тоже закончил с чашкой и мгновенно её наполнил, – Ну что, каково это – позволить себе выпить до совершеннолетия?» Чашка, направлявшаяся к её рту, остановилась на уровне её груди, и Чигуса легонько улыбнулась. «Очень волнующе». «Это хорошо». «...Ах да. Погоди секунду». Чигуса вновь открыла сервант и положила на кофейный столик маленькую стеклянную бутылочку. «Используй её как пепельницу. Ты же куришь, нет?» «Спасибо. Но я нечасто этим промышляю. К тому же, твоя комната провоняет, если я в ней закурю...»

«Пожалуйста, кури. Я тоже хочу попробовать». Я достал пачку из своей сумки, вытащил две сигареты и протянул одну Чигусе. «Вакаба», – прочла она на упаковке.

«Третьесортные. Грубые, но дешёвые». Я подставил зажжённую зажигалку Чигусе, а она робко взялась за фильтр и поднесла кончик к пламени. «Втяни», – объяснил я, и бумага покраснела и затлела. Вдохнув дым, Чигуса, естественно, закашлялась. Подавив кашель со слезящимися глазами, она презрительно взглянула на сигарету в своих пальцах. Затем попыталась во второй раз и теперь уже медленно выпустила дым без кашля. Я зажгёг свою, и мы продолжили тихо курить вместе. «Думаю, я наконец-то поняла», – произнесла она, подражая мне, пока постукивала сигаретой о край бутылки, чтобы стряхнуть пепел. «Что ты поняла?» «Чем это иногда от тебя пахнет, Фукамачи». «От меня настолько несёт никотином?» – я обнюхал собственную рубашку. Чигуса хихикнула: «Нет, пахнет слабо, правда. Никто бы и не заметил». Закончив с сигаретами, мы снова наполнили чашки.

«Ты не должна заставлять себя пить, лады?» – посоветовал я ей, подметив, что она осушила уже третью чашку. «Ага. Но раз уж я пью, почему бы и не попытаться хотя бы однажды упиться вусмерть?» – и она наполнила четвёртую. За стеклянной дверью трещали бурые цикады. По сравнению с сиянием снаружи, в комнате было темно и хмуро. Обычный августовский вялый день. Бесцельно беседуя, мы продолжали пить. Чигуса была крепче, чем могла показаться. Я старался не отставать от неё, но вскоре ощутил, что меня уже мутит.

«Что такое? Фукамачи, спать хочешь?» – необычайно весело спросила она меня: может, это всё из-за алкоголя. В последний раз, когда я смотрел на неё, она сидела напротив, а сейчас находилась сбоку. Может, это я двигаюсь? Порядок событий в моих воспоминаниях поплыл.

«Кажись, я немного пьян», – ответил я. «Скорее всего, я тоже. Я странно себя чувствую, – вставила Чигуса без тени смущения. – Фукамачи, а, Фукамачи, что обычно происходит, когда люди напиваются?» «Зависит от человека. Некоторые полностью преображаются, некоторые не меняются вообще. Некоторые – весёлые пьяницы, некоторые – нытики. Дело привычки. Одни начинают читать нотации, другие – становятся милыми до неузнаваемости. Кто-то мирно засыпает, кто-то провоцирует драки, кто-то становится нежным и ранимым...»

«Ну, это я». Прежде чем я успел ответить, Чигуса повалилась на моё плечо, словно марионетка с оборванными нитями. «Что это такое?» – спросил я, пряча своё недоумение.

«Моя новая пьяная привычка, – ответила она, не в силах скрыть смущение. – Мне хочется липнуть». «Эх, Огиэ. Не ты решаешь, как вести себя по пьяни». «Всё нормально. Я извинюсь потом». Убеждённый этой непонятной логикой, я зажгёг ещё одну сигарету, чтобы скрыть растущее напряжение. «Фукамачи, ты из тех людей, которые не меняются, будучи пьяными?» «Не знаю. Раньше я много пил и бросил это дело, но никогда особо не пьянел».

«Это нормально, если ты будешь плакать и кричать. Я не буду возражать, если ты окажешься чувствительным. ...Ох, но мне не понравится, если меня начнут поучать».

«Видимо, Огиэ, ты из разговорчивых пьяниц», – пошутил я. Она недовольно потёрлась

лицом о моё плечо. Вскоре веки мои потяжелели. Кажется, я сонный пьяница, безэмоционально подумал я и погрузился в дневную дрему. Когда я открыл глаза, солнце клонилось к земле, и в комнате потемнело. Чашки высохли и источали резкий запах. Я ощутил что-то шершавое на своей щеке. Это тот час же напомнило мне, что я заснул дома у Чигусы. Я быстро вскочил и услышал визг над ухом. «Д-доброе утро», – смущённо улыбнулась Чигуса. После обдумывания четырёх-пяти догадок, я понял, в какой ситуации оказался. Очевидно, я спал, используя её ноги в качестве подушки. «Я заснул? – спросил я, протирая глаза, чтобы скрыть, насколько взволнован. – Тебе нужно было меня разбудить». Чигуса тихо откашлялась: «...Просто замечу: ты упал мне прямо на колени».

«Да? – я попытался вспомнить, как уснул, но мои воспоминания где-то обрывались. – Прости. Ноги не онемели?» «Всё в порядке. Ты лёгкий, Фукамачи», – добавила она с полуулыбкой, пока я мялся. «Ты просто слишком крепкая, Огиэ». Я взглянул на часы. Было уже полвосьмого. Сфокусировавшись на бутылке на столе, Чигуса заговорила: «Ээ, Фукамачи, извини за то, что было». «Нет, это мне нужно извиняться». Мы склонили головы, сохраняя молчание. Я хотел было закурить, чтобы заполнить тишину, но передумал и вернул сигарету в карман. «Нам не помешало бы немного свежего воздуха». «Да, хорошо. Давай», – согласилась она с видом, который кричал: «Спасибо, господи!»

Вечером жилой район наполнился разнообразными ароматами. Запах еды, принесённый ветром: рыба, суп мисо, мясо с тушёной картошкой – и пены из окна чьей-то ванной расшевелили моё обоняние. Чигуса шла рядом немного неуверенно. Не то чтобы сильно шаталась, но её слегка водило из стороны в сторону. «Ты пила, пока я спал?» – спросил я. «Я думала, ты не проснёшься, Фукамачи». «Я не виню тебя. Я впечатлён». «Правда? Скажи мне, если захочешь спать, лёгенький Фукамачи», – задиристо сказала Чигуса. «Наконец, ночь. Идеальное время для тунеядцев. Какую гадость ты желаешь совершить?» «Не задирай планку так высоко. Я просто маленькая хулиганка». Гуляя, не задумываясь о том, куда иду, я заметил, что ноги несут меня туда, куда знают, как пройти. Даже не осознавая того, я направлялся к торговому району. Каким-то образом я ощутил, что необычно много людей идёт в том же направлении. Каждый раз, когда мимо кто-то проходил, до нас доносились запахи дезодоранта и спрея от комаров. «Интересно, там что, какой-то фестиваль?» – задумалась Чигуса. «Может, где-нибудь в торговом районе. Да, то есть, они делают такой примерно в это время каждый год». «Раз уж мы рядом, хочешь пойти посмотреть?» «Конечно. Не могу придумать, что ещё можно сделать». Мы пошли вместе с толпой в направлении фестиваля. Хотя торговый район ночью обычно выглядит пустынно и немного пугающе, сегодня он сиял цветами десятков или сотен бумажных фонариков. По обе стороны улицы расположились прилавки, и всё вокруг наводнила молодёжь. «Так значит в Минагисе больше одного летнего фестиваля», – с интересом заметила Чигуса, рассматривая всё вокруг.

«Ага. Тонны людей, – я вытянулся и посмотрел в конец улицы, – но, уверен, летний фестиваль Минагисы собирает в разы больше зевак, чем этот». Чигуса вздохнула: «Теперь я нервничаю». Забыв о том, что собирались творить разбой, мы переходили от прилавка к прилавку. Якисоба, сумияки, медовые тофу, фигурные конфеты, сладкая вата, ледяная стружка, лотереи, вылавливание рыбёшек, магазин с масками... Чигуса остановилась у прилавка, где зачёрпывали золотых рыбок, и её глаза засверкали, когда она взглянула на живность, плавающую в белом резервуаре. Перед ним сидел маленький ребёнок, с серьёзным видом рассматривая золотых рыбок. Когда он сунул в резервуар свой сачок, от него расплылись круги, распугав всех комет (1). Расплывающиеся красные пятна напомнили мне взрывы фейерверков. «Фукамачи, Фукамачи, тут одна странная». Я посмотрел в бачок рядом с Чигусой, и там, посреди комет, плавал один толстый риукин (2). «Что думаешь?.. Как необычно». Я взглянул на Чигусу в попытке разделить её удивление. Но она была поглощена рыбкой в резервуаре и не заметила. Я рассмотрел Чигусу в профиль. Пока я разглядывал её улыбающееся лицо в мягком свете лампочки, мне внезапно пришло в голову, какое невероятное счастье, которого я недостойн, было мне даровано. И эта мысль была

правдива. Слишком уж поздно растаяло моё сердце, и я начал ценить каждое уходящее мгновение. Но в то же время мне подумалось, если бы в эти секунды я смотрел на Хаджикано, насколько бы мне было хорошо? Если бы только она улыбалась сейчас рядом со мной, что за чувства меня переполняли бы? Я почувствовал себя виноватым за то, что игнорирую девушку около меня и представляю на её месте ту, которой здесь нет, поэтому я отвёл глаза от Чигусы и вместо неё повернулся к мальчику, вылавливающему рыбок. Он умело обращался с сачком. Он готовился поймать одну рыбку, но в последнюю секунду менял угол и нацеливался на другую. Рыбка, которую он избегал, была усыпана белыми пятнышками, словно мукой. Возможно, она была больна. Я предположил, что он игнорирует эту рыбку не потому, что она скоро умрёт от болезни, а потому, что в ней было что-то пробирающее до дрожи. Он поступал так не из явных предрассудков. Как похоже на то, как люди сторонились меня, когда у меня было родимое пятно. Не потому, что они думали, мол, у меня генетическое заболевание или злокачественное образование, а потому, что их она слишком пугала, чтобы побудить приблизиться ко мне. Почему люди, даже если понимают, что это не так важно, сбиваются с пути столь незначительными отличиями во внешности? Когда на деле мы все не такие разные, если глянуть поглубже. Но в день, когда у людей пропадёт эта глупая привычка судить других только по внешности, красота сотен этих золотых рыбок, плавающих в белом резервуаре, живое чувство, пробуждённое во мне видом лица Чигусы – всё это будет потеряно. Поэтому я не могу выступить против этих поспешных мнений. Если истинная природа человеческой души будет основой для вынесения приговора, наш мир станет ужасно скучным местом. Чигуса выпрямилась: «Прости, меня они слишком заморозили. Двинемся дальше». «Ты не хочешь попытаться выловить одну?» «Нет, я не такой человек, чтобы держать у себя живых созданий». Обойдя все прилавки, мы купили две порции ледяной стружки и искали место, где сможем присесть и съесть их. Тогда что-то ненадолго появилось в моём поле зрения. Это что-то предвещало беду. Я быстро схватил Чигусу за руку, чтобы остановить её, и заметался взглядом. Моё предчувствие было оправдано, и за пару метров от себя я увидел несколько знакомых рож. Инуи, Митакэ, Харуэ. Те трое, что попытались напасть на меня вместе с Ногиямой прошлой ночью. Они сидели на бордюре спинами к нам и о чём-то говорили. Ногиямы не было, скорее всего, из-за травм, которые я ему нанёс. Насколько я смог понять из их разговора, они не искали меня для расправы, а просто пришли насладиться фестивалем. Я выдохнул с облегчением. Это значило, что если они меня увидят, проблемы будут только вероятно. «Эй, что такое?» – спросила Чигуса с некоторой нервозностью, которая проступала на её лице и в руке. «Это те парни с прошлой ночи, – тихо произнёс я, выпустив её ладонь. – Не думаю, что они меня ищут, но будет плохо, если нас увидят. Давай сматываться, пока можем». Чигуса вытянулась и проследовала за моим взглядом: «Вижу. Те трое сидят там?» «Да. Они нас ещё не заметили». «Фукамачи, – она взглянула на мою руку, – не возражаешь, если я возьму твоё мороженое?» «Мороженое? Но это не...» Прежде, чем я закончил, Чигуса взяла стаканчики с ледяной стружкой и быстро подошла к той троице. Я не успел остановить её, и в следующую секунду она опрокинула стружку на их спины. Изумрудно-зелёная смесь жидкости и твёрдой основы полетела по параболе и врезалась в них. Крича и вопя, они обернулись, но Чигуса не дрогнула и отправила в них порцию лимонной стружки уже спереди. Потом она повернулась на пятках, понеслась обратно и взяла меня за руку, пока я наблюдал за этим в оцепенении. «Теперь побежали». Было очевидно, что больше нам ничего не оставалось.

□

Думаю, мы бежали порядка двадцати минут. Наконец мы остановились на той же торговой улице, с которой начали. Фестиваль был долгим, но теперь фонарики бесследно исчезли, и большинство прилавков было убрано, так что людей осталось мало. Оглянувшись назад в

последний раз, чтобы убедиться, что они не преследуют нас, мы сели на невысокое ограждение и перевели дух. Моё сердце билось, как только что пойманная на крючок рыба, и пот с тела катился градом. В тугой пропитанной потом форме было противно находиться. Я не осуждал Чигусу за столь необдуманный поступок. На деле я испытывал уважение к её действиям. Вид того, как они взбесились, когда их обсыпало ледяной стружкой, захватывал, да и я давненько не испытывал волнения, сбегая от преследователей. «Когда в следующий раз задумаешь что-нибудь двинутое, сперва меня предупреди». «Прости», – произнесла Чигуса, задыхаясь. «Но было неплохо. Оживляюще. Демонстративно». «Серьёзно? Ладно», – её взгляд заулыбался, но голова так и осталась опущенной. Мне очень хотелось пить. Я упёрся руками в колени и встал. «Пойду куплю чего-нибудь попить. Оставайся здесь». Чигуса подняла глаза и молча кивнула. Я подбежал к ярко светящемуся автомату в паре дюжин метров от себя и возвратился с двумя спортивными напитками в синих обёртках. Чигуса попыталась впихнуть мне свой кошелёк. Я отказал, но она настаивала: «Я же испортила твоё мороженое». Я взял монетку в 500 йен, что она протянула мне: «Ладно, куплю на это что-нибудь для нашего хулиганства». «Пусть так». Выпив спортивную воду и выбросив пустые бутылки, мы наведались в супермаркет прямо перед его закрытием и купили фейерверков. Потом мы немного побродили в поисках подходящего места, чтобы их использовать.

«Может, проскользнём обратно в школу, откуда сбежали в полдень, и запустим их где-нибудь на поле? – предложила Чигуса, – Нормальное вредительство, как думаешь?» «Неплохое», – согласился я. Проникнуть в Первую старшую Минагисы было просто. Мы прыгали и скакали, перебравшись через ворота, и никакая система безопасности не сработала. Конечно, здания наверняка были закрыты, но вокруг не было никого, кто мог бы отругать нас за то, что мы шатаемся по территории. Может, я просто привык к школе, полной учителей и других работников, но ночью Первая старшая пребывала в полной тишине, будто бы стены поглощали каждый звук. Зелёная лампа аварийного выхода жутковато светилась по ту сторону окна. Проходя по гравию за спортзалом, я вдруг вспомнил разговор с Нагахорой в день церемонии закрытия. «Ребята из плавательной секции иногда без предупреждения тренируются ночью, – сказал он. – Забор настолько низок, что пробраться внутрь не так сложно. Там нет охранников вообще, так что если с твоей удачей не всё так плохо, ты не попадёшься. Эй, Фукамачи, не хочешь проскользнуть туда вместе со мной на летних каникулах? Где ты ещё получишь шанс проплыть ночью в бассейне столько, сколько захочешь?» «Звучит весело, – кивнул я, – но нужно быть осторожными: ночью в бассейнах ужасно холодно. Сигать в него без подготовки может быть опасно». Нагахора на секунду задумался: «Звучит так, будто у тебя был опыт». «Просто случилось узнать. У меня был приятель, который проделал то же самое в средней школе». Конечно же, это была ложь. Однажды друзья меня позвали залезть в бассейн посреди ночи. Тогда небо весь день было затянуто облаками, и вода была холоднее обычного. Мы запрыгнули в него в одежде, что немного помогло, но через 10 минут у нас посинели губы, и мы разбежались по домам, мокрые насквозь. «Я не подумал о температуре, – восторженно произнёс Нагахора. – Бьюсь об заклад, ты хочешь выбрать особенно жаркий день. Начало августа подойдёт идеально...»

Тогда дверь класса открыл Касай, и наша беседа прервалась. Как оказалось, то был единственный раз, когда мы обсуждали проникновение в бассейн. С тех пор я совершенно забыл о том, что Нагахора вообще об этом упоминал. У меня не было особого желания поплавать. Чудесным образом сошлось, что сегодня был самый жаркий день года – идеальный день для ночного плавания. Воду должны были почистить перед тренировками плавательной секции. Однако со мной не было Нагахоры, но была Чигуса. Я не мог заставить её присоединиться ко мне в этой смехотворной задумке. Всё же я решил, что пройтись по краю бассейна тоже будет забавно, поэтому пересказал Чигусе всё, что услышал от Нагахоры. И она выразила несравненно сильный интерес к этой дурацкой затее. «Мы просто должны это сделать, так давай прямо сейчас», – возжелала она. Забравшись на забор меньше двух метров высотой, мы прыгнули у бассейна. Естественно, темно было хоть глаз выколи, водная

гладь отливала тёмно-синим, а дна видно не было. Ветер создавал небольшие волны на поверхности, тихо брызгая через края. Время от времени запах мела – особенность школьных бассейнов – достигал моего носа. Я снял обувь и ощутил шершавый кафель, не тёплый и не холодный. Закатав штаны, я опустил пальцы в воду, переливающуюся в лунном свете. Она была прохладной ровно настолько, чтобы было приятно. «В самый раз», – сказал я Чигусе, которая сняла туфли с носками и правой ногой рисовала в воде овалы. Я решительно уселся на край бассейна и погрузил в него ноги до самых коленей. Мои стопы, разгорячённые от бега, полностью остыли и оживились. Силы покинули меня, и я повалился назад на кафель, словно сдвинувшийся спасательный круг. Слушая плеск воды, я смотрел в ночное небо. Свет из его единственных источников с парковки не достигал удалённого бассейна, и он, пусть и не сравнится с крышей гостиницы, был неплохим местом чтобы наблюдать за звёздами.

Только я подумал о звёздах, в груди всё сжалось, потому как я не мог избежать воспоминаний об определённом человеке, но я силой вытолкнул её из своих мыслей. Не нужно беспокоиться о том, что уже случилось. Я услышал звук с конца бассейна. Прежде чем я осознал, что там снимает свою форму Чигуса, я услышал громкий всплеск. Брызги воды ударились о мои щёки, и я поспешно сел. Сперва я подумал, что она упала туда случайно. Но, заметив отброшенные блузку и юбку, понял, что она прыгнула осознанно. И раз её одежда здесь, это значит, что на Чигусе, которая высунула голову из воды, нет ничего, кроме нижнего белья – если хоть так. Я был удивлён настолько, что растерял все слова. О чём она, блин, думает? «Не пугай так меня, – наконец пробормотал я, – я подумал, что ты поскользнулась и упала». «Мои извинения. Но здесь здорово и прохладно», – ответила она, убирая чёлку. Её белые плечи торчали из воды, и я заволновался, не зная, куда смотреть. Я остался сидеть на краю бассейна, не настолько храбрый, чтобы плавать вместе с ней. Тогда Чигуса подплыла к кромке воды и протянула ко мне руки. «Подними меня, пожалуйста». Я сглотнул и схватил её за руки, пытаясь не встречаться глазами. Но в момент, когда я хотел потянуть, она сама потянула меня. Я попытался устоять на земле, но ноги не послушались, из-за чего я потерял равновесие и упал в бассейн. В воде было чертовски темно, и я не имел ни малейшего понятия, где что. Некоторое время пробарахтавшись, я нащупал дно, высунул из воды голову и вытер лицо, после чего начал искать глазами Чигусу. Я услышал смех позади себя. «Эй, тебе напомнить, что я сказал насчёт того, чтобы ты говорила мне...» – произнёс я, поворачиваясь, и уткнулся ей в лицо, находившееся прямо перед моим носом. Наши взгляды пересеклись вблизи. Я никогда прежде не видел у неё такого выражения: не счастливое, не игривое. Если уж и искать наиболее подходящее описание, то это был взгляд, полный удивления. Вроде такого, который возникает, когда, убираясь в комнате, находишь дорогое сердцу детское фото, которое думал, что потерял. Последовало затянувшееся короткое молчание. Или же рано прервавшееся длинное. Я медленно отвёл взгляд и положил руки на бортик бассейна. «Заглянем в кладовку. Может, найдём что-нибудь интересное». «Хорошо. Пляжный мяч, например, был бы кстати». Пусть даже её ответ был совершенно естественным. Ещё на уроке в июле я обнаружил, что замок кладовки сломан. Среди всякого хлама вроде досок и других приспособлений для плавания, разделительных дорожек и щёток-скребков, там нашёлся единственный мяч – голубой. Я взял его за клапан, омыл водой и наполнил воздухом. Надув и похлопав по нему, я сделал пару глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться, и вышел из кладовки. Я ужасно сомневался, но то, что Чигуса была в одном нижнем белье, а я полностью одет, было как-то несправедливо, поэтому я тоже разделся и прыгнул в бассейн. Брызги разлетелись во все стороны. Я высоко подкинул мяч, и Чигуса радостно отправилась за ним. Моя голова поворачивалась, и я вновь видел её белую спину, но пока мы плавали и кидали мяч взад-вперёд, я постепенно перестал беспокоиться об этом. Чигуса, плавающая ночью в бассейне, была слишком прекрасна даже для того, чтобы быть объектом моей мечты. Когда прекрасное переходит определённую черту, оно самопроизвольно отделяется от всего порочного. Играясь в бассейне, Чигуса множество раз звала меня по имени – Ёсукэ. Что необычно, это не казалось

странным. Если судить, отталкиваясь от собственных ощущений в момент, когда она впервые так сказала, звать меня полным именем казалось бы более неестественным. Я также попытался назвать её Чигусой в обратку. Её имя звучало так знакомо, будто бы я уже произносил его множество раз. «Ещё раз, – попросила она, – позови меня по имени». И я сделал так, как она сказала. Чуть позже на углу парковки мы стали развлекаться с детскими фейерверками. Вода ещё стекала с нашей одежды и волос, оставляя тёмные разводы на сухом асфальте. Мокрая рубашка и бельё впитывали тепло моего тела, и мне было немного прохладно. У нас не было свечи, чтобы зажечь фейерверки, поэтому я зажёл два фитиля зажигалкой и протянул один Чигусе. Пламя добралось до основной части снаряда, и огоньки, один за другим, подобно корням растений, вспыхнули в темноте. Пройдя стадии пиона, сосновой хвои, ивы и хризантемы (3), заряд выполнил свою задачу и упал вниз, тихонько хлопнув в воду, которая накапала с наших тел. Мы молча продолжали поджигать фейерверки. Купание в бассейне вытянуло из нас все силы, и мы мало говорили друг с другом, но такая тишина не казалась неловкой. Когда взорвались два последних фейерверка, Чигуса произнесла: «Фукамачи». Она снова стала называть меня по фамилии. «Ты сейчас о Хаджикано думаешь, ведь так?» Я не стал отрицать этого, а спросил её саму: «Почему ты так думаешь?» Чигуса хихикнула: «Действительно, почему? Ну, часто мои плохие предчувствия оправдываются». Покорившись, я ответил ей честно: «Твоя догадка верна, Огизэ». «Видишь, а я что говорила? – шутя произнесла она. – Более того, полагаю, не единожды: когда мы были вместе, Хаджикано множество раз приходила тебе на ум». «Ага, здесь ты не ошиблась». «Ты думал: "Ах, если бы рядом со мной была не Чигуса Огизэ, а Хаджикано Юи", да?» Купол её фейерверка спал прежде, чем расцвёл в полной мере, встретив скорый конец. «Спасибо за то, что присоединился сегодня к исполнению моих эгоистичных капризов, – произнесла она, не дожидаясь ответа, – я отлично повеселилась, проведя с тобой этот день». Мой фейерверк всё ещё продолжал гореть. «Но, Фукамачи, если что-то взаправду разжигает твоё любопытство, если взаправду есть человек, который тебе интересен, прошу, не закидывайся на мне и разберись сперва с тем, что волнует тебя. Ты ведь до сих пор привязан к Хаджикано, не правда ли? Не потому ли ты забываешь о девушке, которая стоит перед тобой, чтобы подумать о ней?» Она подняла использованные снаряды, положила их в сумку, застегнула её и постепенно поднялась. Мы шли до школьных ворот в тишине. Я не мог подобрать нужных слов. Всё, о чём сказала Чигуса было абсолютной правдой, и всё, что скажу я, будет звучать просто как оправдание. «Ты ведь ещё не испробовал всего, что можешь для неё сделать? – внезапно спросила она. – Ты должен довести дело до конца».

Преодолев ворота, она остановилась. Склонила голову, как бы говоря: «Этого вполне достаточно». «Сегодня правда было замечательно. Спасибо тебе за прекрасный день».

«Мне тоже было приятно. Хороший день, – мне потребовалась вечность, просто чтобы выдать это. – Спасибо». Чигуса улыбнулась, наслаждаясь тем, что услышала: «Скажи, Фукамачи, ты ведь заставил меня пообещать заранее предупредить тебя, прежде чем сделать что-нибудь сумасбродное?» «Да», – кивнул я, не догоняя, к чему она это спрашивает. «Я собираюсь совершить кое-что ещё более странное». Прежде чем я смог ответить, Чигуса сократила дистанцию между нами, будто бы собираясь упасть, немного приподнялась и нежно прикоснулась губами к моей шее. Я даже почувствовал, как кровь приливает к голове, заставляя меня краснеть. «Если я в чём-нибудь смогу тебе подсобить, только скажи, – прошептала она мне на ухо. – Пусть даже придётся строить милосердную перед врагами, я готова на всё, если это будет тебе полезно. И после того, как ты доведёшь всё до логического завершения, если у тебя останется хотя бы капля интереса ко мне... не стесняйся звонить мне в любое время. Я буду терпеливо ждать». На этом Чигуса покинула меня. Я наблюдал за ней, подобно пугалу, пока она уходила, и, даже когда она пропала из виду, я не мог двинуть и мускулом. Тогда-то я и понял значение слова "жестоко", которое она однажды произнесла. Всё-таки это была не шутка. Я неосознанно творил с ней ужасные вещи. Истина, снизошедшая на меня, когда я взглянул на всё с другого угла, меня озадачила. Я интуитивно

понимал, что Чигуса как минимум хорошо ко мне настроена, однако и представить не мог, что то было такое явное романтическое влечение. Её слова повторялись у меня в голове в течение времени, за которое можно было выкурить пять сигарет. Но сейчас я не могу ответить на её чувства. Кое с чем она попала прямо в яблочко. Я всё ещё не сделал всего, что мог. Где-то в моём сердце заворочалась крошечная надежда. Подсознательно я продолжал думать об этом. Но сомневался, выпустить ли это на волю. Опасаясь риска изувечиться, пройдя через всё это, я намеренно исключил этот вариант. Теперь хотя бы раз я должен воспользоваться этим шансом. Выкопать то, что скрыто в глубинах моего разума, направить на это свет и предстать перед ним лицом к лицу. Вот о чём говорила Чигуса. Этой же ночью я направился в парк при храме близ Старшей Минагисы. Я постепенно преодолел длинный подъём и сел на качели, где однажды сидела Хаджикано. Проржавевшая цепь громко закрипела. Кто-то снял её верёвку, свисавшую с перекладины. Может быть, она сама. Всю ночь я сидел там и думал. Что я могу сделать? Что ищет Хаджикано? К тому времени, как небо стало розоветь, я пришёл к ответу.

□

Стрёкот цикад проникал даже в закрытую комнату. С их знакомым пением смешалась песня цуку-цуку боши (4), которых я до вчерашнего дня не слышал. Я уселся на полу своей комнаты, скрестив ноги, и уставился на линии за окном. Две прямые белые полосы в небе делили кусок этого самого неба в оконной раме ровно пополам. Когда утихли голоса дневных цикад и зазвучал хор ночных, я всё-таки поднял своё отёкшее тело. На столе стоял тяжеленный паровой утюг. Я воткнул вилку, шнур которой исходил из подставки для зарядки, в розетку, повернул регулятор на максимум и стал ждать, пока он нагреется. Спустя минут десять я ухватился за ручку утюга и повернул к себе плоской частью. Отверстия для пара напомнили мне семена внутри плода. Если подумать, я никогда не рассматривал подошву утюга так детально. Пока я смотрел на эту странную форму, напоминающую разрезанный арбуз, пот со лба скатывался по волосам и довольно испарялся в клубах пара. Солнечный свет, приходящий с запада, освещал комнату. Раньше из-за комплекса неполноценности, вызванного родимым пятном, устилавшим половину моего лица, я думал, что не имею права любить Хаджикано. И, если взглянуть с другой стороны, это значит, что если бы у меня не было этой родинки, то она вполне смогла бы меня полюбить. Но, возможно, это лишь моё предвзятое представление. Это могло бы сработать четыре года назад, но сейчас её исчезновение никак не помогло мне сблизиться с Хаджикано. На деле, более того, оно предотвратило любое продвижение. В день, когда я пришёл к ней домой, чтобы проверить на истинность то, что сказал мне Касай, в тёмной комнате с зашторенными окнами она прикоснулась к моей щеке и начала царапать её. Слово ища родимое пятно, которое должно было там быть. Может, сейчас Хаджикано действительно нуждается не в человеке, который будет самоотверженно утешать её, а в спутнике с таким же изъяном – какой внезапно оказался схож с моим. И, когда я пришёл к этому образу мышления, сценарий, составленный женщиной из телефона, сложился воедино и перестал казаться несвязным. Она утверждала, что сделала пари справедливым настолько, насколько могла. Я думал, что мои шансы на успех настолько малы, потому не мог счесть это за правду. Но, может быть, она не лгала, и пари составлено честно. Другими словами, она также подготовила путь к победе и для меня.

Избавление от родинки разрушило преграду между мной и Хаджикано – так я сначала подумал. Но не было ли всё с точностью до наоборот? Неужто её исчезновение разорвало алую нить судьбы, связывавшую нас? Вероятно, истинное содержание пари заключалось не в вопросе: «Сможет ли расцвести невозможная в обычных условиях любовь, если убрать препятствие?» – а в том, сможет ли та женщина я возродить любовь, которую в обычных условиях было бы не вернуть, добавив препятствие. Самолично отказавшись от лишённого

родинки лица, которое я получил на время пари, я смогу продвинуться в своих взаимоотношениях с Хаджикано. Такое положение дел и хотела искусственно создать женщина из телефона. Меня проверяли, чтобы удостовериться, буду ли я вознаграждён девушкой, которую люблю, если откажусь от идеального тела. В таком ключе мне смотреть, да? Если я прав насчёт этого, тогда мне нужно вернуть утраченное уродство. Я должен доказать этой женщине, что для меня нет ничего важнее Хаджикано. Мне нужно вернуть своё "родимое пятно" на продолжительный срок, однако обычный синяк заживёт в мгновение ока. Мне нужно было полупостоянное уродство. Поэтому я намеревался использовать утюг.

Там, где прежде была родинка, теперь я намеревался оставить огромный ожёг. Если бы во мне тогда было чуть больше рассудительности, то я увидел бы, как глупо выгляжу с объективной точки зрения, пытаясь выжечь себе лицо утюгом, чтобы заполучить внимание Хаджикано. Но поджимающие сроки пари и вид смущённой Чигусы прошлой ночью заставили меня осознать, что перспективы у меня далеко не радужные. Вы можете обвинить меня в том, что я душевнобольной. Я был одержим наивным предположением, что сильная боль принесёт нечто большее. Рука, которой, я держал утюг, обливалась потом и дрожала. Болевой пик должен пройти в первые мгновения. Проблемы будут после. Если я охлаждаю ожёг слишком быстро и нормально обработаю, он полностью пройдёт. Если же я хочу сделать его "частью себя", какой прежде была родинка, скорее всего, мне придётся не охлаждать и не обрабатывать его как минимум час. Представляя этот час, я чувствовал, как у меня подгибаются колени. И всё же, я уже принял решение. Медленно, но неизбежно я привык к картине, где я выжигаю себе лицо. Дойдя до определённой точки, я внезапно стал способен свободно принять всё это. Логично, что вы скажете, что я свихнулся с концами. Я закрыл правый глаз и направил подошву утюга, нагретую до нужной температуры, к лицу... ..когда зазвонил телефон. Если бы этот шум донёсся до меня на десятую долю секунды позже, бесспорно, утюг точно бы обжёг мне лицо. На расстоянии, достаточно близком, чтобы опалить ресницы, моя рука остановилась. Звон шёл от телефона в коридоре первого этажа. Я не был уверен, но из-за того, в какое время и каким образом этот звук зародился, мне казалось, что это та женщина, организовавшая пари. Я положил утюг обратно на платформу, сбежал по лестнице и взял трубку. «Алло?» Ответа не последовало. Обычно на этом моменте происходил односторонний разговор, в котором мне о чём-то рассказывали, но в этот раз я ничего не услышал. Однако то, что я никого не могу услышать, не означает, что там никого нет, и я чувствовал, как живой человек дышит на другом конце провода. И этот человек, казалось, тоже тихо прислушивался к моему дыханию. Молчание продолжалось. И только я, не вытерпев, открыл рот, с внезапностью скрытой дорожки на CD-диске, остановленном на последней записи более десяти минут, человек по ту сторону спросил: «Кто вы?» Этот голос не принадлежал той женщине, но тому, кого я прежде слышал. Мгновение спустя моя голова наполнилась вопросами. «Хаджикано? – спросил я. – Невозможно, это ты, Хаджикано?» Я услышал, как она сглотнула. Благодаря этой реакции я удостоверился, что это она. «Как? – произнесла девушка, которой, как я полагал, была Хаджикано. – Как ты позвонил сюда?» Эта фраза повторилась у меня в голове. Как я позвонил туда? Как-то странно. Она выставила всё так, будто я позвонил ей. «Ответь, – сказала Хаджикано, – как ты узнал, что я здесь? Ты рядом?» Что-то здесь не сходилось. Я привёл свои мысли в порядок и решил, на каких наиболее важных вопросах стоит заострить внимание.

«Послушай, Хаджикано, просто успокойся и послушай, – примирительно начал я. – Ты спросила меня, как я позвонил тебе, так? Ты утверждаешь, что сама ты мне не звонила, а просто ответила на звонок?» Последовало молчание, использовавшееся, вероятно, для размышлений. Я счёл это подтверждением и продолжил: «Со мной то же самое. Я был дома и услышал, как звонит телефон, поэтому ответил. И потом я услышал твой голос. Где ты? Не дома?» «...На станции Чакагава». «Чакагава?» «Одна из нефункционирующих станций на ветке, которую перекрыли несколько лет назад. Другими словами, в месте, которые ты не знаешь, Ёсуге, – прямо поведала мне Хаджикано. – Я слонялась по округе, как вдруг

зазвонил таксофон. Когда я взяла трубку, услышала тебя. ...Что происходит?» Конечно, я знал причину. Это проделки той женщины, которая предложила мне пари. Пока её методы и намерения оставались неясны, я мог только представить, как она может быть вовлечена в подобное необъяснимое явление. Я не знал, почему она создала эту ситуацию именно тогда, когда создала. Возможно, той женщине из телефона понравилось, что я намеревался вернуть своё уродство ради Хаджикано. И поэтому она решила подарить мне маленький шанс.

Но, объясняя все эти тонкости, я только сильнее запутаю Хаджикано. Пока я придумывал, как развеять её опасения, она сказала: «Так ты всё-таки не в курсе», – и была готова завершить разговор.

«Стой. Умоляю тебя, не вешай трубку, – взмолился я. – Я хочу, чтобы ты выслушала меня. Ты ведь скоро сменишь школу? Прежде чем ты уйдёшь, я бы хотел кое-что тебе сказать. Это займёт две минуты. Тебе даже не нужно будет отвечать. Просто слушай, о большем не прошу». Ответа не было. Но звонок не завершился. Я с облегчением уселся на пол и прислонился к стене. Солнечный свет из окна в конце коридора падал на меня, образуя тень на противоположной стене. «Как ты знаешь, – начал я, – родимое пятно на моём лице исчезло без следа. Но оно никогда бы не прошло естественным путём.

Бесчисленное количество докторов пыталось её вылечить, но умывали руки. Они все говорили что-то вроде: "Просто смирись". Такого типа была эта родинка. ...Но месяц назад произошло поворотное событие». На этом я остановился и прислушался. Всё ещё были слышны тихие шумы, что означало, что звонок пока не оборвался.

«Рассказ в деталях займёт много сил, и, скорее всего, не важно, как я буду объяснять, точно передать то, что я испытал, без возникновения недопонимания невозможно. Итак, я кое-кого встретил, и этот человек свёл мою родинку – однако это дорогого стоило. Пока не выйдет время, я должен буду отдать ему нечто, что дороже всего на свете. Но, естественно, я сделал это по собственной воле, поэтому вся ответственность лежит на мне».

Я неосознанно погладил место, где раньше находилось моё родимое пятно. «Но... звучит странно, но, по правде говоря, потом я перестал сетовать на свою родинку. Имея её на своём лице шестнадцать лет, я привык к её существованию и даже в некотором роде привязался. И почему я должен буду выплатить столь огромную цену за её исчезновение?» Глубоко вдохнув, я ответил:

«Потому что я хочу понравиться тебе, Хаджикано». Когда я говорил это, воздух вокруг меня стал влажнее, и я учуял что-то, похожее на запах раздавленных ягод. За ушами горело, и сердце забилось быстрее. Хотя Хаджикано и не стояла передо мной, я прикрывал рот раскрытой ладонью, чтобы спрятать покрасневшее лицо.

«Короче, это я и хотел тебе сказать, – прибавил я. – Однако, судя по твоей реакции, мысль, что ты полюбишь меня, просто если моя родинка исчезнет, была лишь односторонним заблуждением».

Закончив с тем, что хотел сказать, я закрыл глаза и прислушался к её ответу. Звонок всё ещё продолжался, но я не слышал ни звука. Может, Хаджикано на самом деле не слушала меня, притихнув, а оставила трубку болтаться и ушла... Только меня начали захватывать подобные страхи, я внезапно услышал покашливание.

«Ты слышишь меня? – спросила она. – Ты всё ещё здесь?» Я тотчас ответил: «Я планировал оставаться здесь, пока ты не повесишь трубку. Не важно, как долго придётся ждать».

«Ясно». Последовало вдумчивое молчание. «Я не знаю, – сказала Хаджикано с беспокойством. – Я была уверена, что ты жалеешь меня, и поэтому слишком опекаешь. Я решила, что тебе просто приятно видеть у меня ту же проблему, которую имел прежде сам».

«Ну, я не такой человек». «Ага, значит, показалось». Её тон не изменился. Пусть так, но в моей голове возник образ улыбающейся по ту сторону телефона Хаджикано.

«Честно говоря, мне и сейчас это в тебе нравится, – признала она. – Мне было тяжело тебя возненавидеть, Ёсуке. И причина, по которой мне не нравилось находиться с тобой... это полностью мои личные трудности». «Личные трудности?» «Когда я увидела тебя, то обезумела от зависти, – сказала она с тихим вздохом, будто бы разочаровавшись в себе. – Нет, я ужасно завидовала не тому, что твоя родинка пропала. Просто ты сильный человек, который способен принять своё родимое пятно и зажить обычной жизнью, а я слабачка, которая этого не может и скатилась до такого менее чем за год. Это ранит меня сильнее всего. Когда ты

рядом со мной, я постоянно вынуждена признавать это. Ненависть позволила мне создать разрыв между нами». Хаджикано на несколько секунд замолчала. Каким-то образом я ощутил, как она кусает губы и трёт родинку. «С такой стороны проблема не столько в родинке. Проблема в моей слабыхарактерности, которая позволила единственному недостатку разрушить меня. Теперь, когда я вижу тебя, Ёсуке, моя грудь разрывается от горя».

«Думаю, ты всё ещё неправильно понимаешь меня, – заметил я. – Если ты считаешь, что я принял свою родинку и жил размеренной жизнью, ты ошибаешься. Правда в том, что я загибался от чувства собственной неполноценности. Каждый раз, когда я смотрел в зеркало, думал, как бы было здорово просто переродиться». Я переложил телефон в правую руку и левой начал играть со шнуром. «Я преодолел это не один. Тогда ты оказывала не огромную поддержку. Я смог принять свою родинку, потому что ты приняла меня, Хаджикано. Я смог подумать об этом родимом пятне, которое считал уродливым и грязным, просто как о кусочке неправильно окрашенной кожи, только когда ты его коснулась. Настолько значима для меня Юи Хаджикано». «...Я никогда не думала об этом в таком ключе», – с сомнением сказала Хаджикано. «Это и неудивительно. Я же старался держаться с тобой как можно холоднее».

«Почему?» «Я не хотел признавать этого, но я очень хотел общаться с кем-нибудь другим. Более того, я боялся тебя и всех тех, кто понимал, какие чувства я к тебе испытываю. Мне казалось, будто они насмеются надо мной. "Думаешь, такой, как ты, имеет право любить Юи Хаджикано?" Поэтому, когда я был с тобой, я старался сохранять безразличное лицо».

Да, в моих глазах Ёсуке Фукамачи не мог полюбить особенную девочку. Он был для меня тем, кто никогда не любил и не был любим, кто вечность будет жить в одиночестве. «Но каждый раз, когда мы разделялись, и ты уходила домой, наши разговоры того дня повторялись у меня в голове, выжигаясь в памяти. В дни, когда случалось что-то особенно радостное, я записывал об этом в свой дневник, чтобы потом перечитать. Это может звучать тупо, но тогда я занимался тем, что впоследствии свергло чувство неполноценности. Даже когда в средней школе наши пути разделились, воспоминания о днях, проведённых с тобой, поддерживали меня, когда мне было больно. Если бы я не встретил тебя, Хаджикано, моя слабая воля когда-нибудь наверняка бы сломалась». Чуть погодя Хаджикано что-то прошептала. «...Вот как ты думал». Сразу после этого я услышал тихое гудение на другом конце. «Что это за звук?» – спросил я. «Это телефон. Полагаю, так он предупреждает, что истекает время, – ответила она. – Звонок может скоро прерваться». «Ох, ясно...» Я сожалею об этом, но я сказал ей всё, что хотел. «Спасибо, что не бросила трубку, рад был с тобой поговорить».

И звонок прервался. Даже после окончания разговора я долго стоял перед телефоном. Прямо как раньше, я на неопределённое время погрузился в разговор с Хаджикано.

Конец первого тома

Примечания:

(1) Комета – порода золотых рыбок красно-белого окраса с длинным глубоко раздвоенным хвостом. (2) Риукин – крупная порода золотых рыбок с горбом на спине. (3) Пион, сосновая хвоя, ива и хризантема – виды эффектов высотных фейерверков, которыми те раскрываются в небе. (4) Цуку-цуку боши – разновидность цикад, которые появляются в Японии к концу лета.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/217777>